

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА ДОМОВОГО В РЕЛИГИОЗНО-МИФОЛОГИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ ОСЕТИН

Ф.М. ТАКАЗОВ

Религиозно-мифологические воззрения осетин формировались под влиянием кавказского фольклора, христианства и мусульманства. Уже в X в. на Северный Кавказ проникло христианство, оставившее глубокий след в народных верованиях. В результате классическое язычество подверглось трансформации, и в XVIII в., когда стали появляться первые письменные свидетельства о верованиях осетин, они уже предстают в синкретизированном виде. Вслед за христианством традиционные верования осетин оказались в орбите влияния ислама. Однако следует указать, что и народы Северного Кавказа в той или иной степени испытали влияние как ислама, так и христианства, в результате чего мифологические образы в религиозно-мифологических воззрениях как осетин, так и других кавказских народов испытали сходные трансформации.

Несмотря на свою архаику, мифосистема находится в постоянном развитии в результате непрерывного мифотворчества народа. Но под влиянием христианства, а в большей степени — мусульманства, происходит резкий спад мифотворчества, т.к. вся система, на которой базировалась мифология, низвергается канонической религией, где нет места творчеству. В результате одни мифологические персонажи забываются, другие закрепляются в сказках, третьи переходят в низшую мифологию, превращаясь в демонологических персонажей.

Низшая мифология в народных верованиях обладает наибольшей устойчивостью. В силу того, что каноническая религия (в данном случае — ислам и христианство) резко отрицательно относилась к различным местным духам и божествам, считая всех их порождением дьявола, то многие из них пополнили ряды злых духов, против

которых ни мусульманское, ни христианское духовенство не выступало. В результате мифотворчество народа продолжилось только в демонологии, что позволяет на сегодняшний день провести некоторые параллели образов низшей мифологии осетин и народов Северного Кавказа.

Одним из таких персонажей в осетинском фольклоре, подвергшихся трансформации, является домашний дух, домовый. С распространением образа черта (беса, шайтана) домовый был низвергнут до уровня бесовских сил. Хотя домовый и не считается чертом, но он часто ставится на один уровень с бесовскими силами. Подобно тому, как у славянских народов домовый нередко сближается с нечистой силой, так и у народов Кавказа домовый часто бывает воплощением бесовских сил, иногда же, наоборот, черт перенимает или выполняет функции домового.

Среди народов Северного Кавказа образ домового наиболее популярен у осетин. Такая популярность кроется не только в суевериях осетин, но и в их отношении к семейному очагу, к жилищу вообще. По этому поводу еще в конце XIX в. С. Коккиев писал: «Все сказанное не будет казаться несколько странным, когда увидим, что с понятием жилища осетин соединяет еще нечто религиозное, высокое, святое; в нем живет собственно ему принадлежащий и о нем только пекущийся дух (бындур); в нем висит талисман его жизни цепь (рэхыс); в жилище заключается, по его понятиям, много тайной, могучей силы, оберегающей его везде и всегда, а особенно в дороге» [1, 68]. Показателем того, что осетинский домовый тесно связан с жилищем, служит и само название домового — *Бундор* (ир. *Бындур*), обозначающее в осетинском языке «фундамент», «ниж-

ний, основной камень» [2, 280]. У осетин-дигорцев этот термин вбирает в себя и другие понятия: «Под этим же словом разумеют и все мужское поколение дома; этим же именем называют и божество, охраняющее очаг и дом и составляющее принадлежность лишь одной семьи» [1, 103]. У осетин-иронцев домовый называется *Бынаты хицау* [3, 41], буквально 'хозяин места'. Он также известен под именем *Басты хицау*, букв. 'хозяин страны' [4, 60]. По представлениям осетин Бынаты хицау/Бундор живет в кладовой, изображается, как правило, в виде уродливой старухи с клыками, но может принимать и другие образы, например, мальчика, белого барашка [3, 41-42], а также вид кошки, змеи. У некоторых народов старуха с клыками, белый барашек, а также змея символизировали Богиню плодородия и благополучия. Змея до сих пор является тотемом родственных осетинских фамилий Сагеевых, Дагуевых, Гегкиевых, Таказовых, Хачириковых и Цевых. По легендам, родоначальник этих фамилий, некто Каит, проживал со своими сыновьями в местности Гибинон, недалеко от с. Ахсау в Дигорском ущелье. Как-то раз он выехал из дома с женой, у которой хранились ключи от кладовой¹. Жена Каита передала старшей невестке ключи от кладовой и наказала ей строго, чтоб она ни в коем случае не открывала одну из кадушек. Но, как это часто бывает, запрет разогрел любопытство невестки, и она открыла кадушку. Увидев лежавшую на муке белую змею, она закричала и убежала, забыв закрыть и кадушку, и двери кладовой. По возвращении Каит, узнав про случившееся, пошел по следу змеи, которая оставила за собой мучную дорожку. След ее оборвался высоко в горах, в местности *Багъайта* (*Багайта*), в расщелине скалы. Каит позвал сыновей и наказал им срочно доставить к тому месту белого барашка. Сделав жертвоприношение, Каит заявил сыновьям, что отныне их

дом здесь, что они не могут более возвратиться в свой прежний дом. Они возвели на скале дом (так образовалось селение Багайта), а над расщелиной, где исчезла змея, построили святилище. Через много лет змея выползла и из этой расщелины. След ее привел жителей Багайта в лес Туруска, находящийся намного выше села. Посреди этого леса след змеи оборвался. На том месте, где след оборвался, было сооружено святилище, которое считалось филиалом святилища с. Багайта [5, 253-256]. До сих пор, хотя здесь уже много лет никто не проживает, выходцы из этих сел совершают жертвоприношение на месте развалин багайтовского святилища. На вопрос, почему змее построили святилище, старики всегда отвечали, что в образе змеи был обозначен *Фарн* (благополучие, изобилие) их рода, *Хæдзари хецау* (хозяин дома), его *бундор* (основание, т. е. составляющий его основу).

Эта легенда как нельзя лучше характеризует Бундора как один из трансформированных образов Богини плодородия и благополучия.

Таким трансформациям подвергся и сам образ Бундора. На такую трансформацию повлияло не только распространение монотеизма, но и характерный для осетинских верований дуализм. Согласно дуалистическим верованиям осетин, и добро и зло — от Бога. Потому Бундор бывает и добрым, и злым. Если в доме хозяйничает злой Бундор, необходимо, по поверьям осетин, задобрить его. Так как здоровье членов семьи и их благополучие зависят от Бундора, то осетины ежегодно совершают жертвоприношение. Это, пожалуй, единственный демонологический персонаж, для которого приносится жертва и устраивается праздник, что, несомненно, выделяет его из разряда бесов. Праздник этот, отмечаемый ежегодно в последнюю среду перед Новым годом, у осетин-дигорцев называется *Бундортæ* (или *Бундори кувд* 'праздник Бундора'), у осетин-иронцев он известен под названием *Хæйрæджыты 'хсæв* (ночь чертей), *Бынаты 'хсæв* (ночь Места, т. е. хозяина ме-

¹ По осетинским обычаям, в кладовую могла заходить только жена хозяина дома, считавшаяся хозяйкой дома, — æфсин, или с ее разрешения — старшая невестка.

ста), *Дзинкъуыртæ*, *Кæйдæртæ*¹. Праздник *Хайрадджыты 'хсæв* известен также под названием *дыууайы æхсæн* (букв. между двух) как у мусульманского, так и у христианского населения Осетии [6, 159]. И в настоящее время, в ночь со вторника на среду, во многих семьях по всей Осетии продолжают устраивать этот праздник.

Праздник Бундорта достаточно подробно описывался в разные времена, начиная с середины XIX в. В 1874 г. «Терские ведомости» писали: «Между Рождеством и Новым годом почти всеми осетинами празднуется *Бынаты хицау* — в честь домашнего патрона, который, по понятиям осетин, играет в природе такую же роль, как и русский домовый, но с тем только различием, что *Бынаты хицау* имеет больше сверхъестественных и могущественных, т.е. божеских, свойств. *Бынаты хицау* — чисто семейный праздник, и каждое семейство в этот день посторонних лиц к себе не допускает» [7]. При этом большинство исследователей ошибочно считали, что праздник этот посвящен дьяволу (шайтану, черту). «К 28 декабря у каждого осетина непременно должен быть припасен козел. День этот — праздник шайтана (дьявола)» [8]; «Осетины — и христиане, и магометане — все верят в существование злых духов и до сих пор чтят их, принося им жертву в ночь под Новый год, в последнюю среду последнего месяца в году (в 1879 г. это пришлось на 27 число декабря)» [9].

Следует, однако, сделать поправку по поводу утверждения авторами этих статей того факта, что «праздник этот посвящен дьяволу». Осетины посвящают только Богу и святым, ангелам (*зæдтæ æмæ дауджытæ*), духам-покровителям (*бардуаг*). Но силам, относимым к бесовским, никогда ничего не посвящали. Тем более нельзя отождествлять осетинского Бундорта с чертом, несмотря на то, что последний оказал определенное влияние на восприятие образа домового. И в

данном случае это не столько посвящение, сколько откуп от злых сил. Мотив этого откупа кроется в дуалистических религиозно-мифологических верованиях осетин, перемешанных с христианским и мусульманским восприятием «бесовских» сил. Согласно традиционным верованиям осетин, наступление Нового года несет с собой всему миру не только богатство, счастье и радость, но и горе, всякого рода бедствия и море кровавых слез. В эту ночь, полагающую конец прошлому и начало Новому году, а следовательно, и новой, говорят осетины, жизни, по всему миру несутся *дауджытæ* (ангелы) с тем, чтобы посеять среди народа счастье, богатство и радость на весь год. Но, как полагают осетины, вслед за ангелами в большом количестве следуют злые духи с тем, чтобы сеять зло и горе среди тех, которых обойдут ангелы [10]. Наиболее вероятное время разгула демонических сил — полночь со вторника на среду. Потому этот день называется еще и *дыууайы æхсæн* («между двух»), что означает границу между двумя днями: вторником и средой. В «ночь чертей» полагается резать только козла, так как, по верованиям осетин, козел есть творение дьявола [11]. По поверьям осетин, в каждом доме есть свой ангел хранитель и свой дьявол. И если ангел по каким-либо причинам покинул дом, то дьявол может нанести огромный вред дому и домочадцам. Чтобы этого не произошло, домохозяин должен умиловить обоих одинаково и принести им жертву: ангелу за то, что он охраняет дом, посылает здоровье членам семьи и способствует благополучию дома, а дьяволу — чтобы он обходил дом мимо, не творил разных козней. Если его не умиловить, то он может обрушить на дом все несчастья и бедствия. «Больше бойся дьявола, чем ангела», — говорят осетины [11]. Но дьявол не любит присутствия людей во время своей трапезы, а потому все домочадцы покидают дом на определенное время.

Традиция проведения этого праздника остается у осетин неизменной до настоящего времени. В последний вторник (в ночь со вторника на среду) перед Новым годом резали козла, а при неимении его

¹ Кæйдæртæ — от мн. числа *кæйдæр* («кого-то», «чей-то»). По поверьям осетин, нельзя было произносить имени черта. Поэтому часто его имя заменялось такими эвфемизмами, как *кæйдæр*, *æназæгъуйнаг* («неназываемый») и пр.

— черного петуха или курицу (в некоторых же местах резали даже барашка или овцу, но обязательно черного цвета). Кровь жертвенного животного тщательно собирали в особый сосуд. Ни одной капельки не должно было пролиться. Нельзя было допустить, чтобы кошка или собака могли лизнуть этой крови, не говоря о том, чтобы они отведали жертвенного мяса. В кровь бросали левую заднюю ногу и сердце жертвенного животного, и все это глубоко зарывали в землю в чистом виде, так, чтобы до них не могли добраться собаки. Иногда все это выбрасывали в реку в сторону течения. Таким же способом избавлялись от содержимого желудка и кишок, а также от перьев и костей. Нельзя было выбрасывать все это в стоячую воду, так как в противном случае не происходит очищение от скверны. Перед тем как начинали варить мясо, кошку запирали в чулан. До наступления полуночи нельзя было дотрагиваться до мяса и блюд, предназначенных Бундорта. Когда же наступала полночь, вся семья выходила на улицу (если в доме был грудной ребенок, то выносили и его). Дверь в дом тщательно запирали. По поверьям осетин, во время отсутствия семейства в дом входит черт, отвеживает кусочек жертвенного мяса и других блюд, а затем удаляется. Поставив несколько минут во дворе, вся семья возвращалась в дом и принималась за трапезу. При этом нельзя было ломать кости, бросать их на пол. Их собирали в одну кучу, затем после трапезы зарывали глубоко в землю¹. Из приготовленного для Бундорта (кроме мяса готовили еще блюда из фасоли, кукурузы, пшеницы и ячменя) нельзя было дать постороннему, даже если тот умирал с голоду. Но хозяйка, как правило, готовила отдельное блюдо на случай, если в дом пожалует гость [12].

В день праздника иногда даже гадали. После того как семья возвращалась в дом,

¹ По утверждению Л. А. Чибирова, кровь козленка, кости (обязательно целые) и крошки зарывались вместе не из боязни, что будут съедены животными. Согласно анимистическим воззрениям древних осетин, существовала возможность обрастания костей мясом и оживление [4, 43].

его хозяин приступал к осмотру оставленного на столе мяса. Если оказывалось, что съедена часть ноги — это к счастью или будет свадьба. Если же часть головы — несчастье: заболит старший в доме.

В этот вечер нельзя было работать, чтобы не разгневать Бундора. Если же кому-то необходимо было поработать, особенно женщинам, то они завязывали подросткам на палец узелки, приговаривая: «Пусть простит нам черт (*хэйраг*, *сайтан*), что работаем, а вы, детки, попоститесь за нас». Женщинам, особенно молодым девушкам, рекомендовалось в этот день поститься. Это, по поверьям осетин, спасало их от заговоров, от дурного глаза и прочих несчастий.

Примечательно, что Бундор связывается с чертом только в этот день. В дальнейшем имя Бундора осетины упоминают за каждым застольем (кроме поминального). Осетины всегда за трапезой произносят тосты-молитвы (*кувд*), причем одни и те же в строгой последовательности. Один из этих тостов-молитв бывает всегда за Бундора. При этом он никоим образом не связывается со злыми силами. О связи Бундора с мужской половиной дома говорит еще и тот факт, что женщинам запрещалось произносить его имя, подобно тому, как запрещалось произносить имя хозяина, старшего дома, или имя мужа. Кроме того, именем Бундора благословляли молодую невестку, когда она прощалась с родительским домом, затем его же именем приобщали невестку к новому дому в семье мужа.

Хотя у других народов Северного Кавказа не зафиксирован подобный праздник², но образ домашнего духа, домового пространства почти у всех народов. У татов он называется *Нумнегир* («имя, которое не произносится»), у дидойцев — *Кине*, у даргинцев — *Куне*, у лакцев — *Кини* или *Кяла чири* («белая борода»), у рутульцев

² Осетинский праздник Бундорта отдаленно напоминает ингушский обычай, по которому в известный день (среда, называемый *кер-Сели*), посвященный богу *Сели*, считалось большим грехом дать из очага кому-либо из соседей хоть один уголек. В этот день было вовсе запрещено выкидывать огонь или золу из очага.

— *Тушедрьшибе*, у аварцев — *Бакараб рух*, у ингушей — *Тарам*. У всех этих народов перечисленные персонажи — добрые духи, покровительствующие роду, семейному очагу, которые приносят в дом изобилие. Они невидимы, но могут показаться в облике кошки, хомяка, змеи с ногами и золотыми рогами. По поверьям лакцев, человеку, увидевшему *Кини*, суждено счастье. В представлениях же даргинцев *Куне* — женщина высокого роста, с большими грудями, с красными до пят волосами. Образ *Куне* полностью совпадает с образом Богини плодородия. Если осетины считают, что *Бундор* может быть как добрым, так и злым, то, по представлениям даргинцев, *Куне* никогда не причиняет зла. Но ее уход из дома предвещает беду. Таты же представляют своего домового в облике ласки или большой крысы. По поверьям татов, шкурка одного из этих животных, прибитая над постелью роженицы, больной, может предохранить их от злых духов. Появление же *Нумнегира* рассматривается как предвестник несчастья. Местом обитания домового дагестанцы считают центральный столб дома. По поверьям дагестанцев, домовый может препятствовать краже скота, его падежу. По преданиям аварцев и рутульцев, домовый внезапно появляется перед восточной стеной при попытке кражи домашнего скота и тем самым препятствует ее совершению. Рассказывают случай, якобы происшедший с гидатлинцем, который намеревался украсть овцу. Как только он дотронулся до шерсти овцы, перед ним предстала женщина необычайной красоты, и шерсть овцы тут же засияла неземным светом. Женщина повелительно сказала вору: «Не тронь овцу!» Испуганный гидатлинец бежал, не чуя под собой ног [13, 109]. Аналогичный сюжет бытует и у рутульцев. В этих сюжетах образ домового напоминает древнюю Богиню Плодородия и более позднюю покровительницу животных, покровительницу охоты и зверей.

Аварский *Бакараб рух* и лакский *Кяла Чири* бывают, подобно осетинскому *Бундору*, добрыми, приносящими в дом достаток, или злыми, приносящими в дом постоян-

ную нужду. Аварцы и лакцы представляют его в облике мужчины с белой бородой и в белоснежной одежде. У аварцев *Бакараб рух* иногда выступает в облике женщины. По поверьям лакцев и аварцев, *Кяла Чири* (*Бакараб рух*) является в дома верхом на коне, требуя еды. Те, которые насытили его, вознаграждаются благополучием; отказавших ему в еде — наказывает нищетой [14, 307]. Лезгинский домашний дух, называемый *Квал*, также выступает и как добрый дух (в образе доброго старика), и как злой дух. Дух *Квал*, по поверьям лезгин, появляется ночью и, навалившись на спящего, пытается задушить его. Иногда он представляется с вывернутыми назад ногами, что сближает его с чертями.

Кроме доброго домашнего духа, по поверьям дагестанцев, существует и злой домашний дух. У лакцев он называется *Сухасулу*, у аварцев — *Хегело*, у андийцев — *Челкан*, у даргинцев — *Шямга*, *Кибирхан*, у кумыков — *Басдарыкъ*. *Сухасулу*, так же как и *Квал*, ночью наваливается на спящего и начинает его душить. Но стоит сорвать с *Сухасулу* ожерелье¹, как он становится послушным ради того, чтобы вернуть свое ожерелье и в обмен на него готов исполнить любую просьбу [15, 112]. Аварский домашний дух *Хегело* также начинает душить спящего², при этом не дает человеку заговорить или вскрикнуть. Но стоит человеку хотя бы застонать, как дух отпускает его. Если же еще прочитать молитву, то *Хегело* исчезнет. Домашний дух кумыков *Басдырыкъ*, совершенно лишенный положительных черт, также имеет привычку нападать на всех; но чаще всего на больных хронической болезнью. Из-за этого его называют *джинни азгъаны* («ху-

¹ Подчинение себе духа путем овладения его ожерельем существует и у лакцев, у которых вместо *Сухасулу* выступает *Аццалов*, мифологический персонаж, являющий собою растрепанную женщину, одетую в рванье [15, 172].

² У осетин также существует поверье, согласно которому существо, называемое *пъаззу/пъаззы* ('паззу'), ночью начинает душить спящего. Но это существо ничего общего не имеет с домашним духом и по своей сути напоминает русского *упыря*.

дой, измельчавший»). Домашний дух андийцев *Челкан*, хотя никого и не душил, но может вызвать у четырех-пятимесячных детей кровь из носа, отчего они умирают.

Домашний дух ингушей — *Тарам* — в корне отличается как от дагестанского, так и от осетинского. По религиозно-мифологическим представлениям ингушей, каждый человек имеет своего Тарама, невидимого духа-хранителя, ангела-хранителя. Он живет там, где его хозяин. Все, что происходит с человеком, в том же виде отражается и на его Тараме. Женится человек, и Тарам женится на Тараме жены своего хозяина. Тарам везде сопровождает своего хозяина. Чтобы оберегать хозяина от шайтанов, он, как правило, находится среди нечистой силы, удерживая ее от причинения зла. По преданиям, как-то одному ингушу показалось, что к нему приближается шайка шайтанов. Он, испугавшись, взял ружье и выстрелил по ним; в это время его Тарам находился среди шайтанов, и выстрел попал ему в ногу. После этого, без всякой иной причины, хозяин захромал [16, 36].

По представлениям ингушей, Тарам бывает не только у человека, но и у каждого дома, являясь в этом случае домашним духом-покровителем. Домашний Тарам не имеет определенного местопребывания, подобно дагестанскому или осетинскому домовому; не связан неразрывно с домом, но следует за хозяином без его ведома, в то время как осетинский Бундор всегда

прикован к дому. Для того чтобы Бундор последовал за хозяином дома (например, при переезде), нужно было провести определенный обряд с произнесением тоста-молитвы. Тарам считается добрым духом, но может и наказать своего хозяина за дурные поступки. Наказание Тарама носит исправительный характер и совершается из добродетельности к хозяину в виде напоминания, предостережения [24].

Характеризуя в целом образ домового у осетин и народов Северного Кавказа, можно заключить:

— домовый у осетин и народов Северного Кавказа имеет как схожие черты, так и отличительные, сложившиеся, скорее всего, под влиянием различных религиозно-мифологических представлений о культуре семейного очага, дома;

— в основе образа домового прослеживаются характерные черты Богини плодородия, Богини охоты, Богини домашнего очага;

— со временем, по мере трансформации образов этих богинь, в образе домового стали проступать черты демонического существа;

— у некоторых народов Северного Кавказа произошло разделение образа домового на два персонажа — доброго и злого домашних духов, в то время как образ осетинского домового сохранил и добро, и зло, не противореча традиционной религиозно-мифологической концепции единства добра и зла.

1. Сборник материалов по этнографии. Вып. 1. М., 1885.
2. *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.-Л., 1958. Т. I.
3. Этнография и мифология осетин. Краткий словарь/Сост. А. Б. Дзадзиев, Х. В. Дзудзев, С. М. Караев. Владикавказ, 1989.
4. *Чибилов Л. А.* Древнейшие пласты духовной культуры осетин. Цхинвали, 1984.
5. *Гецати Афахъо.* Дигори коми муггæгти равзурд. [Гецати А. А. Происхождение фамилий Дигорского ущелья]. Владикавказ, 1999. (На осет. яз.)
6. *Чибилов Л. А.* Народный земледельческий календарь осетин. Цхинвали, 1976.
7. *Лавров Д. Я.* Заметки об Осетии и осетинах // Терские ведомости. 1874. № 25.
8. *Чочишвили Г.* Праздники в Осетии // Кавказ. 1884. № 2.
9. *Анонимный автор Н.* // Терские ведомости. 1879. № 4.
10. *Каргинов С.* Встреча Нового года у осетин // Кавказское слово. 1915. № 1.
11. *Икаев.* Святки у осетин // Тифлисский листок. Иллюстрированное приложение. 1900. № 24.
12. *И. С.* Селение Христианское // Казбек. 1900. № 649.
13. *Халидова М. Р.* Мифологический и исторический эпос народов Дагестана. Махачкала, 1992.
14. Большой энциклопедический словарь. Мифология. М., 1998.
15. Мифология народов Дагестана. Сборник статей. Махачкала, 1984.
16. *Далгат Б. К.* Первобытная религия чеченцев. Владикавказ, 1893.